

цыі інтэрнацыяналізацыі навуковай мовы (ням. *Mängelrüge* — бел. *zajawa ab niastačy* — рэкламацыя; ням. *Kreditbrief* — бел. *kredytny list* — акрэдытыў). З другога боку, частка лексем была выціснута пад непасрэдным уздзеяннем рускай мовы, што адпавядала агульнай для пэўнага перыяду тэндэнцыі, скіраванай на збліжэнне моў у СССР (ням. *Freiwilliger* — бел. *samachwotnik* — дабраvoleц і добраахвотнік; ням. *Schadenersatz* — бел. *atškadawañnie* — накрыццё ўбыткаў, ням. *Schmiedeeisen* — бел. *kutaje žaleza* — коўкае жалеза; ням. *Bohrturm* — бел. *šwiardzielnaja wyżka* — буравая вышка).

Такім чынам, супастаўленне тэрмінанайменняў, прапанаваных навуковым паняццям у пачатку XX ст., з сучаснымі эквівалентамі дае магчымасць прасачыць асноўныя змены, што адбыліся ў тэрміналагічнай лексіцы на працягу XX–XXI стст. Панарамны агляд тэрміналагічных намінацый і паасобных тэрміналагічных груп у шырокім кантэксце беларускай практычнай лексікаграфіі дэманструе, што лёс зыходных тэрміналагічных варыянтаў не быў аднолькавы ў беларускай навуковай мове. Гэта абумоўлена ўзаемадзеяннем знешніх, сацыяльных фактараў з унутранымі заканамернасцямі моўнага развіцця, асноўнымі тэндэнцыямі і агульнымі працэсамі ўнармавання і фарміравання функцыянальных стыляў беларускай мовы ў XX–XXI стст.

Оксана Дорогокупец (Минск)

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА XX–XXI ВЕКОВ (НА ЗАНЯТИЯХ ПО БЕЛОРУСОВЕДЕНИЮ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТАЖЕРОВ)

Иностранные студенты, изучающие русский язык в Беларуси на филологическом факультете БГУ, всегда с интересом относятся к истории, культуре нашей страны, ее нравам и обычаям, традициям, укладу повседневной жизни народа и т. д. Поскольку целью обучения иностранному языку является не только приобретение студентами языковых навыков и умений, но и усвоение ими исторических, географических, экономических, социально-политических, культурных, литературных и других знаний, а также познание ценностей другой для них национальной культуры, то в содержании обучения необходимо учитывать страноведческий компонент.

В рамках занятий по белорусоведению при изучении темы «Литература» иностранные студенты-стажеры с хорошим владением русским языком (студенты из Германии, Австрии, Сербии, Чехии) зачастую просят познакомить их с тенденциями развития белорусской литературы, основными темами и наиболее известными писателями. Часть занятия при этом может иметь информативный характер.

В современной белорусской литературе можно выделить несколько наиболее распространенных тем, одной из которых является историческая тема. Белорусские исторические романы, повести, рассказы пользуются большой

популярностью среди белорусов и могут вызвать интерес у иностранных студентов.

В сравнении с иностранными и соседними славянскими литературами, в которых историческая проза в начале XX в. уже имела свои значительные достижения, в белорусской наблюдались только попытки в освоении конкретно-исторического изображения прошлого. И только с приходом в белорусскую литературу в 1960-е гг. В. Короткевича можно с уверенностью говорить про существование и развитие в ней черт исторического романа, освоенных европейскими литературами. Само время содействовало тому, чтобы литература, искусство, культура возвращали белорусскому народу его национальные архетипы, а это могло произойти прежде всего через реконструкцию, возобновление исторического прошлого.

Однако, несмотря на то, что большинство писателей в середине XX в. в Европе пользовались преимущественно реалистическим методом при изображении исторической реальности, В. Короткевич с целью пробуждения у белорусского народа интереса к своему прошлому сознательно, целенаправленно романтизировал и возвышал историю. Это объяснялось тем, что появление исторических романов В. Короткевича в белорусской литературе, так же как, например, романов В. Скотта в английской, Г. Сенкевича в польской, было обусловлено актуальными потребностями качественного развития нации. Перед белорусскими писателями стояла задача вернуть то национально значительное, что долгое время умалчивалось и считалось неприемлемым. Наше искусство вынуждено было, как справедливо отмечает Л. Корень, «все еще выполнять романтическую по существу, возрожденскую миссию в то время, когда успел состареть уже даже постмодернизм» [3, с. 32].

Поэтому совсем не случайно, что основной чертой ранних произведений В. Короткевича стал пафос Возрождения. В. Короткевич первым с белорусских романистов с учетом всех жанрово-видовых требований к историческим произведениям обратил свое внимание на героические события белорусской истории, на ее славных героев, показал ее особенность. При возобновлении далекого прошлого В. Короткевич стремился сознательно опозитизировать его, и этим отличался, например, от русских писателей исторической темы, произведения которых выделялись строгой документальностью, научностью, реалистическим методом подачи материала.

Особенную популярность исторический жанр в белорусской прозе приобретает в 1980-е — 1990-е гг. Очевидно, белорусский народ, который на протяжении всей своей истории вынужден был не раз уступать превосходящей силе, испытывал потребность вновь осмыслить уроки истории. Богатое и разнообразное творчество В. Короткевича создало предпосылки (как на жанрово-структурном, так и на сюжетном и персонажном уровне) для того, чтобы белетризованное романтическое изображение прошлого сменилось на более реалистическое. Однако исторические произведения О. Ипатовой («За морам Хвалынскім», «Чорнаякнягіня», «Вяшчун Гедзіміна» і інш.), Л. Дайнеко («Меч князя Вячкі» и др.), В. Орлова («Дзень, калі ўпала страла», «Час чумы» и др.), В. Чаропки («Храм без Бога») и др. свидетельствовали о том, что романти-

ческий подход к изображению прошлого по-прежнему востребован и белорусской прозой, и белорусским читателем.

О. Ипатова, Л. Дайнеко, К. Тарасов, В. Чаропка в изображении исторического контекста в большинстве случаев не отходили от известных романтических традиций. Писатели, стремясь придать поэтическую окраску изображению истории, обращаются к мифу, к истокам национальной культуры, насыщают свои произведения приключенческими элементами. Названные приемы помогают авторам более выразительно показать любовь к своей родине, уважение к родному языку, культуре, истории. Историческая проза 1980–1990-х гг. обогащается элементами, выработанными традицией национального эпоса: осмыслением общечеловеческих морально-этических проблем, проникновением в психологию героя и т. д. Писатели рассматривали историю как целостный процесс передачи накопленного народом исторического опыта, и потому именно прошлое помогало автору сосредоточить особенное внимание на духовных ценностях с современной точки зрения.

Особенность белорусской романтической исторической прозы определяется также тем, что автор при написании произведения ощущал нехватку фактического первоисточника. Писатель сам исследовал прошлое, предлагал свои версии исторических событий, проявляя в основном интерес не к эволюционному, постепенному движению истории, а к отдельным историческим периодам, или «малым историям». О. Ипатова, Л. Дайнеко, К. Тарасов, В. Чаропка, В. Орлов допускали существование нескольких вариантов белорусской истории, в которой еще очень много непонятного, до конца неизученного. Каждый автор стремился по-новому посмотреть на события той или иной эпохи, заполнить определенные пробелы в жизни известного исторического героя в своих художественных произведениях. По этой причине, например, в произведениях О. Ипатовой, Л. Дайнеко, построенных на занимательном сюжете, главную роль отыгрывает не точное возобновление реального исторического факта во всей его полноте, а авторская фантазия, выдумка. Согласно романтической традиции, белорусские авторы популяризируют саму историю, рассматривают ее прежде всего как объект для изображения. Литература предлагает свою точку зрения, в соответствии с которой нет единственно правдивой истории, она, скорее, — вероятная версия того, что происходило раньше.

На общем фоне белорусской современной исторической прозы выделяется художественное повествование В. Орлова, которое репрезентирует постепенный процесс смены романтизированного возобновления прошлого на конкретно-историческое. В повестях «День, когда упала стрела» и «Время чумы» сам В. Орлов выделяет черты так называемого «профессорского» романа, который существовал в немецкой литературе начала XIX в.; под ним Л. Фейхтвангер понимал историко-этнографическое произведение, единственной целью которого было с максимальной научной точностью описать историческую жизнь определенного региона.

Причина обращения В. Орлова к исторической прозе в белорусской литературе, так же как и, например, Я. Красса в эстонской, У. Кернера и других

писателей в чешской было обусловлено прежде всего проблемой независимости личности человека в условиях трагической национальной истории. И эстонцам, и чехам, и белорусам характерно обостренное чувство ее, рожденное перипетиями исторических судеб этих народов, которые долгое время вынуждены были бороться за свое независимое существование, за свою национальную культуру. После В. Короткевича писатель стремится пробудить у современников уважение к далекому прошлому как к своей собственной истории, поэтому в его повестях и рассказах присутствуют постоянные поиски своего, белорусского, родовода.

В первую очередь, наследуя традиции В. Короткевича, писатель со временем все более отчетливо ориентируется на опыт иностранных литератур (эстонской, немецкой). В. Орлов вводит в свои произведения черты интеллектуального романа с целью приблизить белорусскую историческую прозу к лучшим образцам мировой романистики послеромантической эпохи. В отличие от В. Короткевича с его оптимистическим видением и романтизацией истории, В. Орлов обращается в основном к трагическим историческим страницам, а своих героев ставит в пограничные жизненные ситуации. Писатель не придает подчеркнуто большого внимания описанию этнических особенностей, что характерно, например, для произведений авторов романтического течения.

В исторической прозе В. Орлова замечается активная роль самого автора в творении истории, когда все свои идеи он вкладывает в образ главного героя, в его поведение, в его мировоззрение. Характер главных героев раскрывается преимущественно в процессе их духовной борьбы, в поиске ими смысла жизни и полноценного человеческого бытия. Таким образом, философское обобщение прошлого достигается в произведениях В. Орлова за счет исследования проблемы человека, его психологии, что придает повествованию большую условность и иносказательность.

Историческая проза В. Орлова является ярким узором общей эволюции от фактографического, конкретно-исторического, локального показа истории, что проявилась в «профессорских» произведениях, до более интеллектуального, условно-метафорического изображения, для которого характерна универсальность художественного видения. В произведениях писателя начинает доминировать интеллектуальное начало, что позволяет говорить о типологическом приближении белорусской исторической прозы к лучшим примерам всемирной иностранной исторической романистики.

На современном этапе развития белорусская историческая проза, ориентируясь на всемирно известные исторические романы, стремится к переосмыслению роли и самого значения занимательности и популяризации истории, фактической точности и бытоописательности, характерных, например, для исторических произведений 1980-х гг. Писатели используют новые художественные возможности. История в их произведениях является не столько предметом изображения, сколько фоном. Возрастает роль субъективной, авторской оценки событий.

Ярким примером новой исторической прозы является роман А. Новарича «Литовский волк» (2000–2003). В этом романе автор не придерживается

определенных общепринятых канонов, характерных для произведений исторической тематики, и допускает стилевую многоплановость в повествовательной манере: в одном произведении он соединяет приемы исторического, фантастического, авантюрного, психологического романов. Элементы интеллектуализма соединяются в романе «Литовский волк» с элементами беллетристики, рассчитанной на массового читателя, и чередуются с иронией. Свободное комбинирование писателем разнородных элементов и использование пародийно-иронического тона свидетельствует об игровом отношении А. Новарича к сакральному. К историческим событиям 1863 г. писатель относится свободно и с легкостью.

Использование А. Новаричем в романе «Литовский волк» таких литературных средств, как игра, ирония и самоирония, метафоризация, символизация, а также сознательное принижение традиционного для белорусской исторической прозы романтического возобновления прошлого позволяют говорить о выявлении в его произведении черт постмодернистского письма.

Осмысление прошлого с акцентом на интеллектуальный диалог с читателем наблюдается также в творчестве А. Федоренки (роман «Ревизия», повесть «Ничьи»), А. Осипенки (роман «Святые грешники»), А. Островцова (роман «Сула»), А. Гуцева (эссе «Мистерия золотого века»).

Писатели обогатили стилевой спектр исторического произведения использованием отдельных приемов поэтики постмодернизма, таких, как игра, ирония, деконструкция сюжетных ситуаций и др. Отмеченная особенность позволяет говорить про начало развития в белорусской исторической прозе нового течения, когда трагическое и болезненное для белорусов прошлое писателями показывается без традиционного пиетета.

Таким образом, при знакомстве иностранных студентов с белорусской исторической прозой, можно сделать вывод, что в белорусской литературе наблюдаются две тенденции в отражении истории — это романтический показ истории, когда все приукрашается, и интеллектуальное осмысление истории. В рамках данной темы можно выделить интеллектуальную историческую прозу, исторический детектив и приключенческий роман.

Литература

1. Дарагакупец, А. Вытокі беларускай гістарычнай прозы / А. Дарагакупец // Роднае слова. — 2003. — № 8. — С. 17–23.
2. Дарагакупец, А. М. Спецыфіка інтэлектуальнага ў сучаснай беларускай гістарычнай прозе / А. Дарагакупец // Бел. літаратуразнацтва. — 2004. — № 2. — С. 57–68.
3. Корань, Л. Цукровы пеўнік: Літ.-крытычныя арыкулы/ Л. Корань. — Мінск: Маст. літ., 1996. — 286 с.

Татьяна Светашева (Минск)

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИГРЫ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX В.

Цифровые технологии и глобальная сеть Интернет активно влияют на динамику развития современного культурного пространства, поскольку им